

Женские судьбы.

Уютная проза

Марии Метлицкой

Мария
Метлицкая

Другая Вера

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на переплете *Петра Петрова*

Метлицкая, Мария.
М54 Другая Вера / Мария Метлицкая. — Москва :
Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-122505-6

Что в реальной жизни, не в сказке может превратить Золушку в Принцессу? Как ни банально, то же, что и в сказке: встреча с Принцем.

Вера росла любимой внучкой и дочкой. В их старом доме в Малаховке всегда царили любовь и радость.

Все закончилось в один миг — страшная авария унесла жизни родителей, потом не стало деда.

И вот — счастье. Роберт Красовский, красавец, интеллектual стал Вериной первой любовью, первым мужчиной, отцом ее единственного сына.

Но это в сказке с появлением Принца Золушка сразу становится Принцессой. В жизни часто бывает, что Принц не может сделать Золушку счастливой по-настоящему.

У Красовского не получилось стать для Веры Принцем.

И прошло еще много лет, прежде чем появилась другая Вера — по-настоящему счастливая женщина, купающаяся в любви второго мужа, который боготворит ее, готов ради нее на любые безумства.

Но забыть молодость, первый брак, первую любовь — невозможно. Ведь было счастье, пусть и недолгое.

И, кто знает, не будь той глупой, горячей, безрассудной любви, может, не было бы и второй — глубокой, настоящей. Другой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Метлицкая М., 2021

© Оформление.

ISBN 978-5-04-122505-6

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

С погодой не повезло. А Вера так надеялась, что жара даст передышку. Хотя бы в этот день. Но нет. Солнце по-прежнему шпарило, перепутав начало июня с серединой июля. «Все изменилось: и климат, и мы...» — подумала она и отошла от окна.

А оторваться от такой красоты было сложно — накануне под окном ее спальни пышным, кипенно-белым, как долгожданное свадебное платье купчихи или гигантский, точно для великана, торт из зефира, белым сугробом взорвался высоченный и пышнейший куст чубушника, и его запах, сладкий и нежный, разливался по всей территории усадьбы. И сосны, сосны! Ее любимые красностволовые красавицы! Не обычные, высокие, с голым стволом, улетающим в небо — хотя и такие на участке имелись, — а не слишком высокие, разлапистые, с широкой раскидистой кроной, настоящие крымские, приве-

зенные из питомника. Предупреждали, что эти красотки могут не прижиться. Но прижились и радовали хозяйку, напоминая о когда-то любимом крымском побережье — Коктебель, маленький сын и муж, бывший муж. Сколько они копили на эту поездку? Кажется, больше года. Отказывали себе во всем — точнее, страстно мечтая о море, во всем себе отказывала именно она, Вера. Но все равно ничего бы не получилось, если бы не последний привет из прошлой жизни — золотые часики на потертом кожаном браслете, увесистые, для крупной женской руки. Кажется, тетки Раечки. Последняя память. Вера долго не могла решиться их продать. Но в конце концов пришлось. Сердце разрывалось при виде бледного, вечно сопливого Вадика. «Море вам не-об-хо-ди-мо, — по слогам, четко, как телевизионная дикторша, произнесла участковая врач в крупных, качающихся, словно маятники, серьгах из темного янтаря. — Иначе из соплей вам не вылезти!» И часики отправились в скупку.

Вера утонула в воспоминаниях. Перед глазами всплыла цветная картинка: загорелая узкая спинка сына, копающегося в песке, поджарый силуэт мужа у кромки воды и она сама, перебирающая сквозь пальцы песок в надежде найти осколок бледно-розового сердо-

лика — по легендам, именно там, в Коктебеле, его было полно. Но не нашла. Да разве в этом дело? Так, легкий вздох и легкое разочарование, но в остальном все было прекрасно. Сын, муж, море и теплый песок. И все это называлось счастьем.

И наплевать, что жили они в крохотной каморке под лестницей, где по ночам, невзирая на открытую фанерную дверь, было невыносимо душно. И наплевать, что с улицы тянуло подкисшей помойкой и что считали они не рубль, а каждый гривенник и брали в столовой одну котлету на двоих, правда, с двумя гарнирами.

И Вера не обращала внимания на свои обгоревшие и страшно зудящие плечи, которые муж мазал ей на ночь дефицитным кефиром, — и без того душную комнату наполнял еще и запах молочной кислоты.

На раскладушке, в десяти, не больше, сантиметрах от их скрипучей односпальной пружинной кровати спал сын — спокойным и безмятежным сном счастливого и здорового ребенка. А рядом — рядом спал муж. Нет не так, не рядом — какое там «рядом» на этой-то площади в шестьдесят сантиметров? Это было не «рядом», а вместе, сплетясь, как лианы, как змеи, клубок из двух змей, как корни дерева, — иначе никак, не удержишься и упадешь.

Коктебель... Вера вздохнула. Миллион лет до нашей эры — вот когда был тот Коктебель. И маленький сын, и ощущение полного и безграничного счастья. И молодость, молодость. Все — безвозвратно. Она нахмурилась и разозлилась: «Куда меня понесло? И вообще — при чем тут все это?» Она присела на кровать. «Так, соберись! — строго приказала самой себе. — Сегодня у тебя тяжелый день. Прекрасный, важный, но, безусловно, тяжелый».

Кстати, в Коктебель она больше не ездила. Никогда.

По несчастью или к счастью, истина проста —
никогда не возвращайся в прежние места.
Даже если пепелище выглядит вполне,
не найти того, что ищем, — ни тебе, ни мне¹.

Впрочем, она и не искала. Искать было нечего.

* * *

Итак, почти две недели стояла дикая, аномальная, как ее назвали, несвойственная июню жара. Сегодня, вернее еще вчера, она чуть-чуть спала, но все равно с самого утра было душно, не спасали ни сад, ни лес, ни ма-

¹ Г. Шпаликов.

ленький искусственный прудик с желтыми кувшинками и белыми лилиями — давнишняя Верина мечта.

Нет, конечно же, в доме были кондиционеры, современной и дорогущая система — муж не экономил на серьезной технике. Но спать с кондиционером Вера не любила, считая, что жить за городом и спать со сплит-системой — полная глупость. За городом надо спать с открытым окном, чтобы слышать шум сада и леса, дышать ароматом цветов и просыпаться по утрам от звонкого птичьего пения.

Муж посмеивался над ней и экспериментов в жару не ставил — включал технику и мерно похрапывал. Разногласий на эту тему, слава богу, не происходило. Стрельцовы, как люди разумные и не очень молодые, заселившись в усадьбу, завели отдельные спальни, благо места было достаточно. На своем комфорте они не экономили.

Да и сам дом из оцилиндрованного финского бревна был прохладным летом и теплым зимой. Строили они его сами, никаких «под ключ или под отделку» — фигушки вам! Не надо нам подводных камней и чужих ошибок. Геннадий Павлович ко всему относился серьезно. А уж к покупке дома, в котором Стрельцовы собирались встретить спокой-

ную и уверенную старость и растить внуков, — тем более.

В душе Вера боялась окончательного переезда из города, хоть и родилась и выросла за городом. И всячески, любыми способами оттягивала отъезд — капризничала, спорила с мужем, в общем, вела себя «не как всегда». Словом, тянула, надеясь. На что — непонятно! Знала ведь: если уж муж что-то решил, он вряд ли отступится. Предложений было не просто много, а немыслимо много. Рынок загородной недвижимости рос, рос и вдруг встал как вкопанный — рубль падал, доллар взлетал, продать было сложно, а купить, наоборот, очень просто. Но только не Стрельцовым.

К покупке земли под имение — а именно так шутливо называл Геннадий Павлович их будущее жилище — они отнеслись серьезно. Учитывалось многое: близость от Москвы и в то же время тишина, и обязательно, чтобы лес рядом — природу Вера Андреевна обожала. Инфраструктура опять же. Качество народонаселения — шутка мужа. К соседям предъявлялись довольно высокие требования: никаких «новых русских», нуворишей с их дурновкусием и тягой к понтам.

И не деревня — ни-ни! Там свои «прелести». Только стародачный поселок с остатками интеллигенции и со своим традициями. Хотя и в

таких поселках давно сменился контингент. Но старожилы еще оставались.

Река — как говорила Вера Андреевна, «течность» — тоже входила в список обязательных требований. В подмосковных водоемах они, конечно, не купались, предпочитали море. Но посидеть на берегу подмосковной реки, послушать пение соловья, полюбоваться красотами любили.

Ну и чтобы сам участок был не менее пятидесяти соток. Только так можно чувствовать себя защищенными от соседских глаз и соседских же воплей.

А еще поселок должен был непременно стоять под охраной.

Искали долго. Два шустрых агента, похожие между собой, как братья-близнецы, Саша и Паша, веером, словно карты из колоды, раскладывали перед Стрельцовыми всевозможные варианты. Но те капризничали — все время что-то было не так. Агенты злились, раздражались, но за клиентов держались крепко — и по машине, и по внешнему виду, и по адресу в Москве, где проживали Стрельцовы, было понятно, что надо терпеть, такими клиентами не бросаются.

Да и людьми они были приятными — и остроумный весельчак Геннадий Павлович, обожавший — это бросалось в глаза — свою

Мария Метлицкая

ненаглядную Верушу, и сама Веруша, Вера Андреевна, милая, спокойная, рассудительная и все еще очень красивая женщина.

Что говорить, чудесная пара. Всем бы так жить, с таким отношением друг к другу и таким достатком.

Наконец участок был найден, и Саша-Паша облегченно выдохнули — уф, угодили! Наконец угодили! Это был стародачный, тихий и уютный поселок, стоящий чуть на пригорке, откуда открывался невероятный, сказочный вид на реку и поле.

Продавала участок вдова сына хозяев — ни самих хозяев, ученых-химиков, ни их непутевого сына на свете уже не было. Старики умерли от старости, а вот их единственный сын оказался никчемным пьяницей, бедой и горем родителей. Да и по пропитому и изношенному, хотя и со следами бывлой красоты, лицу хозяйки, Регины, было понятно все и сразу — та тоже от мужа не отставала. На вид лет ей можно было дать шестьдесят. Увидев ее паспорт, Стрельцовы удивленно переглянулись — ей всего-то исполнилось сорок пять.

Детей у Регины не было. Жила она в квартире умерших свекров с видом на Москву-реку и фабрику «Красный Октябрь», бывшее «Товарищество Эйнем». В квартире пахло лежалым тряпьем, столетней грязью и крепко

устоявшимся перегаром. Геннадий Павлович безглаголиво поморщился, распахнул окно, и в него тут же влетел запах ванили и шоколада.

— А у вас тут, оказывается, сладкая жизнь, — задумчиво произнес Геннадий Павлович, выглядывая во двор.

— Да ну, — вяло отмахнулась поддатая хозяйка. — Какое там сладкая!

Сделка пару раз срывалась из-за Регининых запоев, и Вера Андреевна страшно нервничала.

Но бог троицу любит, и наконец участок со старым полуразрушенным домом стал их собственностью. Стрельцовы были счастливы.

В тот же день, после окончания сделки у нотариуса, поехали в имение.

Машину вел сам Геннадий Павлович, шофера Виталика отпустили, в тот волнительный день посторонние были им не нужны, семейная радость — вещь крайне интимная. Взволнованные, ехали молча, без разговоров. Заморосил мелкий дождик, но впечатления это не испортило, а даже наоборот, придало какой-то уюта и тепла, сразу представились тихие семейные вечера, чаепития, приглушенная музыка. И все это, дорогое и бесконечно любимое, под умиротворяющий нежный звук подмосковного дождика. Доехали, остановились. Геннадий Павлович,

как всегда, открыл дверцу и подал руку жене. Оглядываясь, Вера выбралась из машины. Стрельцов осторожно толкнул черную, разбухшую от старости калитку, и они зашли на участок — впервые уже на свой, собственный.

Стоял немного дождливый, но теплый октябрь, под ногами лежала влажная, густая, мягкая листва. Пахло сырой травой и прелю, грибами, костром и дымком, струящимся с соседнего участка. С веток падали тяжелые капли дождя. Было сыро, но довольно тепло.

По узкой заросшей тропинке, держась за руки, Стрельцовы прошли к дому. На ржавую дверную ручку был накинута замок — заходи и бери чего хочешь. Впрочем, брать там было нечего — Регина все давно пропила.

Осторожно, словно боясь кого-то потревожить, они зашли в дом. Вера Андреевна поморщилась — сильно пахло плесенью и мышами. В комнате с разрушенной голландской печкой валялись тут и там какие-то тряпки, остатки круп, пустые банки из-под консервов, шарфы и кофты, изъеденные мышами и молью, остатки раскрошенных дров, кучкидохлых мух и ос. На окнах болтались оборванные, выцветшие сатиновые шторы. На столе стояли чашка с отколотым боком и закопченная, мятая кастрюлька. Довершали невеселую

картину стул на трех ногах, прислоненный к закопченной стене, комодик с треснутым стеклом и вещи, валявшиеся на диване.

Геннадий Павлович бросил свою ветровку на продавленный диван, прикрытый залоснившимся одеялом с нагло выпирающей клочковатой и пожелтевшей ватой.

— Присядь, Веруша, Отдохни.

Вера брезгливо присела на край.

Молчали. Разговаривать не хотелось.

А ведь когда-то здесь был дом. И была радость. Наверняка была радость: маленький сын, надежда родителей, трехколесный велосипедик, панамка от солнца, песочница под березой. Теплый хлеб и сладкий компот из малины и вся семья за столом. Чаепития по вечерам, беседы с соседями. Патефон с пластинками Шульженко и Утесова. А потом... Потом все закончилось. Мальчик вырос, надежд не оправдал. Привел эту чертову девку Регину, ну и... Старики медленно чахли, захлебываясь в своем горе. А эти тонули в водке и пропивали все, что можно пропить.

— Чужая жизнь, — нарушила молчание Вера Андреевна, почувствовав странное разочарование и печаль. — Ужас, да? — Она подняла глаза на мужа.

Геннадий Павлович вздрогнул, нахмурился и кивнул.